

³⁶ За период 1959—1989 гг. доля эстонцев в населении Эстонии снизилась с 75 до 61%, а латышей в населении Латвии — с 62 до 52%.

³⁷ По словам Кроуфорда Янга, «за немногими исключениями, международное сообщество проявляет явно негативное отношение к попыткам раскола существующих государств. В послевоенный период сепаратисты, ищущие поддержки за рубежом, обычно наталкивались на крайне холодную реакцию» — см.: *The Politics of Cultural Pluralism*, Madison (Wisconsin), 1976. P. 81.

³⁸ За 10 лет (с 1971—1975 до 1981—1985 гг.) общий объем капиталовложений в стране увеличился на 49,8%, в то время как в Узбекистане этот прирост составил 64,9%, а в Азербайджане — 95,6% — см.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.

³⁹ В первой половине 1980-х годов производительность труда в Таджикистане не возрастала, а в Туркмении даже уменьшилась. — см.: Социологические исследования. 1988. № 2. С. 70.

⁴⁰ Быстрый рост населения представляет собой особую проблему для Средней Азии. В 1959—1989 гг. население четырех среднеазиатских республик увеличилось на 123% (в остальных республиках прирост составил только 27%). Это означает, что население региона удваивается каждые 20 лет. При этом советская политика индустриализации не привела к изменению соотношения между городским и сельским населением. Напротив, доля сельского населения в Средней Азии превышает сейчас 60% и имеет тенденцию к росту. Таким образом, быстрый демографический рост мешает усилиям, направленным на модернизацию традиционного общества.

⁴¹ См.: *Moty! A. Op. cit. Ch. 11*. Мотыль даже отрицает существование русского национализма и предпочитает говорить о русском шовинизме и империализме. Однако «национальное» и «имперское» сознание не исключают друг друга. Так, многочисленные исторические исследования показали преемственность между немецким национализмом XIX в. и германским империализмом XX в., поскольку были обнаружены многие родственные особенности этих двух явлений. История бонапартизма во Франции также свидетельствует о связях между традиционным французским национализмом и французской «mission civilizatrice» («цивилизаторской миссией»).

⁴² Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию//Лит. газ. 1990. 18 сент.

⁴³ См.: *Szporluk R. Dilemmas of Russian Nationalism//Problems of Communism*. July—August 1989.

⁴⁴ Правда. 1989. 24 сент.

⁴⁵ *Linz J. Crisis, Breakdown, Reequilibration//The Breakdown of Democratic Regimes//Eds Linz J., Stepan A. Baltimore; L., 1978. V. 1. P. 64.*

The Causes of Disintegration in the USSR and Yugoslavia

American scholars contributing this article focus upon the collapse of Communist multinational states in the USSR and Yugoslavia. The disintegration is seen as predetermined by Communist nationality policies which had tried and failed to combine economic and political centralism with social structuring along ethnic lines. In both states the linkage between territory, language, administration and ethnicity promoted ethnic mobilization ultimately directed against the «Centre». A preliminary assessment of the ethno-political situation in the post-Communist nation-states is also given.

V. Vujacic, V. Zaslavsky

© 1993 г., ЭО, № 1

Г. Ю. Ситнянский

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ГОРНОЙ КИРГИЗИИ*

Современное состояние киргизского сельского хозяйства, в первую очередь основной его отрасли — скотоводства, не может не вызвать тревоги общественности республики. В этом автор убедился сам, совершив в апреле — ноябре 1990 г. поездку по территории не существовавшей в то время (с декабря 1988 по февраль 1991 г.) Нарынской обл.

* Статья написана по материалам поездки автора в Нарынскую обл. в 1990 г.

На протяжении многих столетий, начиная примерно с IX—VIII вв. до н. э., хозяйственный уклад населения на территории республики, особенно в ее горных районах, мало изменился. Одни народы сменяли другие (киргизы окончательно перебрались на Тянь-Шань в XIV—XV вв.), оседлые цивилизации Чуйской и Таласской долин не раз сметались очередным нашествием кочевников, но хозяйственный уклад скотоводов гор оставался неизменным: полукошачье отгонное скотоводство с более или менее (в зависимости от продолжительности проживания на этой территории) ярко выраженными элементами оседлости. Влияние оседлых цивилизаций Средней Азии никогда не было столь велико, чтобы местное население отказалось от кочевания. В традиционных обществах вся экономика вообще — ремесло, земледелие, скотоводство, — является предметом этнографического изучения, как и все связанные с ней знания и навыки. Но к кочевому скотоводческому хозяйственно-культурному типу это относится больше, чем к какому-либо другому, ибо нигде, пожалуй, традиционные приемы, навыки, характерные черты не сохранились столь хорошо, как там.

Проникновение современной индустриальной цивилизации в традиционные общества неизбежно должно было привести к их изменению. Но этот процесс в разных случаях мог пойти — и пошел — по-разному. Там, где при проведении преобразований учитывалась традиционная специфика местного населения, последнее смогло, не потеряв своих складывавшихся веками хозяйственных навыков и приемов, усвоить в то же время и многое, что для него подходило, из индустриальной цивилизации (эскимосы Канадского Севера, бедуины Саудовской Аравии и Кувейта и др.).

Подобный же процесс начался и у кочевых скотоводов Средней Азии после присоединения ее к России. Однако в конце 1920-х гг. этот естественный ход событий был прерван; началось механическое, без учета конкретной ситуации навязывание скотоводам — казахам, киргизам и др. — чуждых им схем и способов хозяйствования. По кочевым народам коллективизация ударила еще сильнее, чем по оседлым.

Поголовье общественного скота гигантски выросло, почти вдвое превысив естественно-природные возможности республики для развития скотоводства. В то же время поголовье скота, оставшееся в личном пользовании сельских хозяев, сократилось вследствие применяемых к ним всевозможных ограничений; потребности скотоводов при этом игнорировались.

Исторически сложившаяся система отгонного скотоводства предполагала наличие и целого ряда соответствующих экономических реалий: особых пород скота, лучше других приспособленных к местным условиям и наиболее полно отвечающих потребностям местного населения, определенного соотношения в общем стаде различных видов, полов и возрастов скота. Кроме того, каждый вид скота занимал строго определенное место в системе традиционной экономики, и утрата даже некоторых, имевших небольшой удельный вес в стаде, видов могла привести (и привела) к тяжелым последствиям.

Нарушения в этой области повлекли за собой и другие: нарушились традиционные маршруты кочевания, что еще больше осложнило экологическую обстановку, и без того пострадавшую от перевыпаса скота и использования минеральных удобрений. Минеральные удобрения — тоже грубое вмешательство в исторически сложившуюся систему: раньше скотоводы жили в гармонии с природой, употребляя в качестве удобрений органические отходы скотоводства и, отчасти, земледелия, теперь же «химия» оказывает губительное воздействие и на природу, и на традиционную экономику.

Традиционная система водопользования тоже страдает от созданных без учета местных условий ирригационных систем. В этом ключе и написана данная статья, в которой рассматриваются аспекты, важные для традиционной этнографии, хотя и не имеющие к ней, на первый взгляд, прямого отношения.

За последние 60 лет в результате коллективизации, сопровождавшейся принудительным переводом населения на оседлость, и всей последующей экономи-

ческой политики, игнорировавшей хозяйственный и экологический опыт «отсталых кочевников», традиционный уклад был если не разрушен полностью, то по крайней мере сильно подорван, причем в ближайшем будущем его разрушение грозит принять необратимый характер.

Проблема оседлости вообще весьма важна для современного киргизского сельского хозяйства. В отличие от Казахстана здесь оседлость не является столь неподходящей и невозможной, поскольку не стоит так остро проблема обеспечения водой. Земледелие эффективно там, где годовая сумма осадков превышает 400 мм; в Казахстане она меньше на 90% территории республики¹; в Киргизии же, наоборот, на 90% территории количество осадков превышает эту цифру. И напротив, круглогодичное пастбищное животноводство эффективно лишь там, где не очень глубок снежный покров, поскольку животным зимой нужно тепе-невать, а для этого годовое количество осадков не должно превышать 220—225 мм².

К. Усенбаев отмечает четыре отличия киргизского скотоводства от казахского: 1) киргизы более оседлы, связаны с землей, имеют постоянные зимовки; 2) они меньше зависят от природных условий; 3) они не зависят от колодцев; 4) у них небольшой кругооборот кочевания³.

Г. Н. Симаков выделяет три типа скотоводства: кочевой, переходный — смешанный (подтипы: полукочевой, промежуточный, полуоседлый) и оседлый. Чисто кочевой тип — совсем не связанный с земледелием, основанный на круглогодичном кочевании, с отсутствием постоянных помещений для скота, зимних стоянок, заготовки сена — еще сохранялся у кочевников Северной Киргизии в середине XIX в., но к концу века остался лишь у киргизов Памира и у отдельных очень богатых скотоводов Северной Киргизии, у которых были наемные работники для возделывания полей. Оседлое скотоводство под влиянием узбеков распространилось в долинах Южной Киргизии. А преобладал полукочевой подтип: земледелие было самостоятельной отраслью хозяйства, только отчасти приспособлявшей скотоводство к своим нуждам. Лишь 20% скота находилось на стойловом содержании, сенокосы в основном были естественными, сеяли траву редко. Бедняки кочевали неполным циклом⁴.

Именно в Киргизии, по мнению К. А. Акишева, имеются условия для сочетания яллагного скотоводства и богарного земледелия, полукочевое и полuosедлого образа жизни. Небольшие расстояния перекочетов и продолжительные стоянки располагали к переходу на оседлость⁵.

Не случайно коллективизация, сопровождавшаяся принудительным переводом кочевников на оседлость, не привела в Киргизии к таким страшным последствиям, как в Казахстане. Тенденция к оседанию здесь прослеживалась уже в начале XX в. Так, в 1915 г. в Пишпекском и Пржевальском уездах из 461 340 киргизских хозяйств оседлых было 142 578, т. е. более 30%⁶. Правда, практически все авторы отмечают, что оседали в основном беднейшие хозяйства, а земледелие не пользовалось популярностью. Осевший на землю подвергался насмешкам и поэтому, получив от бая за работу в его хозяйстве несколько голов скота, стремился снова перейти к кочеванию⁷. М. Г. Сахаров отмечает, что в 1913 г. в Семиреченской обл. самый большой процент оседлости (57,1—57,4%) давали хозяйства, не имевшие скота или имевшие его менее одной условной головы, а самый низкий (0,9—1%) — имевшие свыше 100 условных голов⁸. Но с другой стороны, в 1904 г. киргизы Пишпекского и Пржевальского уездов приобрели сельскохозяйственных орудий для земледелия на 17 751 руб., а в 1905 — на 42 621 руб., причем покупали инвентарь в основном зажиточные хозяйства⁹.

Однако до 1929 г. процесс оседания проходил естественным путем, а стопроцентный принудительный перевод на оседлость за несколько лет не привел ни к чему хорошему и здесь. Кроме того, тенденция к оседанию проявлялась в основном в северных районах Киргизии. Так, в 1910 г. заявления о переходе на оседлость в Пишпекском уезде подали 11 694 киргизских хозяйства, а в Нарынском — только 2 971¹⁰. Интересно, что третий пленум Киробкома ВКП(б)

в 1929 г. признал наиболее целесообразной для Киргизии полукочевую форму хозяйства¹¹.

Но, пожалуй, главная причина нынешнего плачевного состояния сельского хозяйства — это не принудительный перевод на полную оседлость, а обобществление скота. История еще не знала такого. Во все времена уход за скотом был делом сугубо личным, индивидуальным, и если земля могла в разные времена у тех или иных народов принадлежать общине или государству, то скот всегда был частной собственностью; коллективизация его ни к чему хорошему привести не могла, особенно там, где скотоводство является основной отраслью сельского хозяйства¹².

Всего же за время поездки с апреля по ноябрь 1990 г. автор обследовал 19 колхозов и совхозов в Кочкорском, Тянь-Шаньском, Ат-Башинском и Ак-Талинском районах. Ниже излагаются выводы обследования.

Серьезнейшей проблемой является чрезмерно разросшееся поголовье мелкого рогатого скота, которое составляет 12—13 млн. голов (в свое время Т. Усубалиев брал обязательство довести его до 15 млн.), в то время как в прошлом веке, например, летние пастбища могли прокормить 25 млн. голов, осенние — 15, весенние — 10, зимние же — только 5—8 млн.¹³. Оптимальная численность поголовья скота для Киргизии — 8 млн. голов; это же говорили автору и многие информаторы.

Вплоть до 1989 г. наращивание поголовья проходило согласно установке: ежегодно от каждых 100 овцематок получать на 5 ягнят больше. Еще в 1933 г. некто Джолдошев утверждал, что пастбища республики при рациональном использовании могут прокормить 50 млн. голов в пересчете на овец¹⁴. Не к этому ли стремились?

Только в этом (1990) году впервые поголовье не понадобилось увеличивать — установка дана на стабильность поголовья, хотя на самом деле его необходимо сокращать. «Мы хотели сократить поголовье скота на 5 тыс. голов, а нам не разрешают», — говорит главный экономист из совхоза им. 60-летия Октября Кочкорского р-на (полевые записи — далее п/з 8.08.1990). Всего в этом совхозе 55 тыс. овец. То же самое сообщил и Ш. Карыбеков из колхоза им. Фрунзе того же района: «Район требует, чтобы мы держали 37 тыс. овец, и не дает сократить» (п/з 13.08.1990). Бывший председатель колхоза им. Жданова (ныне Уч-Нура) Тянь-Шаньского р-на З. Кокематов получил выговор по партийной линии за то, что сократил поголовье колхозных овец с 65 до 44 тыс. (п/з 3.10.1990). Подавляющее большинство опрошенных автором колхозников, как рядовых, так и специалистов и руководителей, говорят о необходимости сократить поголовье, называя и процент сокращения — от 15 до 50.

И в самом деле, избыток скота оказывает пагубное влияние как на состояние сельского хозяйства, так и на окружающую среду. В совхозе «Комсомол» Кочкорского р-на, по словам информатора К. Абдурахманова, на 1 га пастбищ приходится скота втрое больше нормы (п/з 27.08.1990), в колхозе им. Фрунзе, по словам главного экономиста Дж. Алкадырова, на 100 га пастбищ приходится 184 овцы (п/з 13.08.1990).

Из-за огромного количества овец стравливаются пастбища; зачастую уничтожаются целые виды растений. Раньше, по словам ряда информаторов, трава была человеку по пояс, а летние пастбища — *джайлоо* — в период цветения напоминали ковер; теперь же трава на пастбищах достигает в среднем 5 см, поскольку не успевает восстанавливаться. Овцы уничтожают траву прежде, чем семена успевают упасть в землю, а кроме того, из-за нехватки травы они зачастую выкапывают и корни, что также ведет к ухудшению травостоя. Овцы проходят по одному и тому же месту 3—4 раза в день и не столько съедают, сколько выбивают копытами.

Р. И. Аболин пишет, что имеется два метода использования пастбища — экстенсивный, когда стадо одновременно пользуется всем пастбищем, и интен-

сивный, когда его последовательно перегоняют с одного участка на другой. Второй способ более эффективен, поскольку съедание молодых побегов усиливает их рост. Участок стравливается за 3—4 дня, а через 15—20 дней на него снова пригоняют отару¹⁵. Однако нехватка пастбищ фактически приводит к тому, что все эти циклы нарушаются в сторону учащения, что чревато страшными последствиями. «Еще 15 лет, — считает Дж. Доримбеков, сотрудник Ак-Сайского культурного центра чабанов Ат-Башинского р-на, — и произойдет непоправимая катастрофа» (п/з 25.05.1990). Еще более угрожающее положение сложилось в Кочкорском р-не — бывший председатель колхоза им. Фрунзе С. Абдрасулов, например, утверждает, что уже через 5 лет могут начаться необратимые экологические процессы (п/з 14.08.1990).

В прошлом нехватка пастбищ в одних районах могла компенсироваться откочевкой в другие. Еще в начале XIX в. подразделения ичкиликов — роды кыдырша и найман — ушли из Ляйлякского и Баткенского р-нов (Южная Киргизия) в местности Ак-Мечеть, Джийде Сузакского р-на, купив у тамошнего населения часть зимних и весенних пастбищ. За джайлоо эе приходилось «одаривать хозяев скотом и золотом»¹⁶, т. е. фактически брать их в аренду. Думается, что пригодился бы этот опыт и сейчас: при нехватке пастбищ в Нарынской зоне в целом Тогуз-Тороуский р-н, например, обеспечен ими на 160—200% (информатор Ш. Карыбеков, п/з 13.08.1990). Есть места и на севере и на юге республики, где имеются излишки пастбищ (информатор Т. Джусупакунов, п/з 18.04.1990), и туда стада из перенасыщенных скотом районов тоже могли бы откочевывать. В начале века в Чуйскую долину перекочевывали скотоводы из «загорных волостей»¹⁷. Этот опыт неплохо было бы позаимствовать.

Но упадок пастбищ — это далеко не единственное последствие наращивания поголовья скота. Из-за того, что овцематок заставляют ягниться каждый год, продолжительность их жизни снижается с 10—11 до 3—4 лет (информатор Н. Каракеев, п/з 5.08.1990). Это значит, что одна ежегодно ягнящаяся овца дает шерсти в несколько раз меньше, чем получали от овцы раньше.

И если бы хоть увеличение поголовья давало прирост сельскохозяйственной продукции! Но «лишние» ягнята все равно умирают: по словам того же Т. Джусупакунова, ягнят считают не «по осени», а после окончания ягнения, в мае, и, по официальным данным, их смертность составляет 15—16%, а фактически к осени доходит до 50—60%. В приплод записывают и мертворожденных ягнят, добавляет Т. Кашпаев из колхоза им. XXIV партсъезда Кочкорского р-на (п/з 1.08.1990); по его же словам, смертность ягнят достигает 20—25% (п/з 2.08.1990). Кстати, в начале века смертность ягнят, родившихся зимой, была ниже, чем среди тех, которые родились весной¹⁸. А сейчас ягнение колхозно-совхозных овец происходит именно в марте — мае.

Как бы то ни было, поголовье скота все эти годы росло очень быстро. Но ведь природу не обманешь, и рост поголовья сопровождается снижением его продуктивности, так как пастбища все равно больше положенного числа скота как следует не прокормят. Даже из официальных отчетов «эпохи застоя» видно, как из года в год сокращался настриг шерсти с одной овцы, надой молока с одной коровы, убойный вес одной головы скота и др.¹⁹ Впрочем, это имело место и раньше. Так, еще в 1960 г. Д. Н. Шмелев отмечал, что если за последние 5 лет производство мяса по Киргизии в целом увеличилось на 7,5%, то по колхозам и совхозам оно даже уменьшилось²⁰.

В начале века неоткормленная курдючная овца в 2 года весила в среднем 54 кг, в 5 лет — 58,8 кг. Откормленные же валухи давали до 80 и даже до 128 (!) кг веса²¹. В 1916 г. убойный вес маток составлял 55—59 кг, валухов — на 4—8 кг больше, и это при том, что овцы были тощие, «представляя собой тот брак, который остался непроданным скупщикам из Ташкента и Ферганы». В 1927 г. вес овцы в Северной Киргизии составлял 57 кг, а в Нарынской кантоне — 66 кг; откормленные же валухи весили на несколько пудов (!) больше самок²². Сейчас же овцематка в горной Киргизии весит в среднем 45—50 кг.

Раньше киргизские курдючные овцы давали 60—80 л молока за лактационный период²³, хотя киргизы и относились к выдаиванию овец отрицательно, считая, что лучше хорошо выкормить ягненка и получить полновесную овцу или барана, чтобы с выгодой продать на рынке²⁴. Теперь же вопросы автора о молочности овец вызывали у местных жителей недоумение.

Огромное поголовье овец приводит к нехватке кошар, к перегруженности чабанов работой. По норме полагается 500 овец на одного чабана с помощником, фактически же не является редкостью отара в 600—700 и даже 800 овец, при этом роль помощника чабана выполняет, как правило, его жена, которая может уделить отаре 2—3 месяца в году. Это приводит к резкому повышению трудовой нагрузки на чабанов и как следствие к тому, что молодежь не хочет работать чабанами.

Погоня за поголовьем порождает большие приписки. Так, многие чабаны получают якобы по 190—200 ягнят от 100 овцематок; однако на самом деле сотрудники Киргизского НИИ пастбищ и кормов никогда не могли получить больше 150—160, хотя отбирали для эксперимента самых лучших маток и создавали им идеальные условия. Дело в том, что чабаны в погоне за пресловутым «валом» подмешивают к колхозным ягнятам своих (информатор Э. Эсенгулов, п/з 2.08.1990). Многие другие информаторы подтверждают это.

Но немало тех, кто считает, что нельзя сокращать поголовье скота из-за того, что тогда колхозы и совхозы не смогут себя окупить. Это связано с другой проблемой — низкими закупочными ценами на овечью шерсть (9—10 руб. за 1 кг белой мериносовой и 4—6 руб. за 1 кг черной киргизской. Цены даны на 1990 г.).

При нынешних ценах на шерсть овца не окупает себя: за год на нее расходуется до 50 (информатор А. Кудайбергенов, п/з 7.08.1990) или даже до 80 руб. (информатор Ш. Усубалиев, п/з 8.08.1990), а доход от сдачи шерсти государству — 35 руб. (в среднем овца дает около 3,5 кг шерсти). И это если овца мериносовая, а если местная, то 15—20 руб.

Здесь мы подходим еще к одной проблеме — проблеме соотношения белых мериносовых и черных курдючных овец. Тут тоже взгляды весьма различны. Так, К. Каралаев из совхоза им. 50-летия СССР считает, что черные овцы лучше, поскольку их мясо не застывает после варки, а мясо белых в темной комнате застывает. Белых овец содержат из-за шерсти, «а лучше бы черные давали меньше шерсти, но мясо было бы лучше» (п/з 17.04.1990). К. Карыбеков из колхоза «Коммунизм» Ат-Башинского р-на считает, что мериносовые овцы лучше, так как дают шерсти больше и лучшего качества, чем местные. Но киргизские — «местные овцы, курдючные, и они крепче — лучше выдерживают зимнее время. И потом, мериносовые ягнята рождаются без шерсти, а тут холодно» (п/з 25.04.1990). А. Асыров из того же колхоза возражает ему: «Киргизские овцы лучше мериносовых, так как мясо лучше, мягче и шерсть тоньше» (п/з 27.04.1990). Ему вторит и К. Джунукаев из совхоза им. XXV партсъезда того же района: «Для мериносовых овец плохи здешние условия. От 100 овцематок получаем 120 ягнят, а к осени остается 80, так что надо разводить киргизских овец» (п/з 2.05.1990). А. Асылбеков из того же совхоза говорит: «Если нужна шерсть, то лучше мериносовые овцы, а если ягнята, то лучше местные, поэтому мы держим половину тех и половину других» (п/з 4.05.1990). Наконец, Ы. Осенбаев из колхоза «Коммунизм» Тянь-Шаньского р-на считает, что «киргизские овцы более морозостойки и вес имеют хороший, и зимой им не надо заготавливать корм, так как сами могут себя обеспечить, вот только шерсть у них хуже» (п/з 4.09.1990).

Таким образом, все многообразие мнений можно свести к следующему: киргизские овцы лучше приспособлены к местным условиям, менее прихотливы и дают лучшее мясо, чем мериносовые, но последних держат ради шерсти.

В колхозах и совхозах местные овцы практически не встречаются — их истребили, чтобы освободить место для белых овец, поскольку сдача шерсти

государству — единственная для хозяйства возможность хоть как-то свести концы с концами.

На самом деле, еще в 1930-х годах Б. Ф. Румянцев установил, что процент падежа у новокавказских мериносовых овец, например, превышает аналогичный показатель у киргизских овец; оптимальной же породой для скрещивания с местными являются вюртембергские овцы — они хорошо приспособлены к местным условиям, а их гибриды дают больший вес и настриг шерсти, чем оба родителя²⁵. Кроме того, многие авторы указывают, что очень важно внутривидовое скрещивание киргизской овцы — улучшение породы «в себе»²⁶.

Есть и другой спорный вопрос — о соотношении в стаде валухов и овцематок. Часть опрошенных полагает, что выгоднее держать валухов, поскольку они дают в 1,5 раза больше шерсти и мяса, чем овцематки, требуя при этом меньше кормов. Так считают почти все опрошенные в Ат-Башинском р-не. В Кочкорском же и Тянь-Шаньском районах большинство придерживается того мнения, что выгоднее держать овцематок, так как валух становится столь же продуктивным только после 3—4 лет, овцематка же каждый год приносит по ягненку, а это — дополнительное мясо (закупочные цены на ягнятину примерно в 2 раза выше, чем на мясо взрослой овцы) и шерсть. Думается, что этот спор может разрешиться только на свободном рынке — жизнь покажет, кого выгоднее держать и зависит ли это от конкретных местных условий. Для начала века соотношение по Пишпекскому уезду, например, было следующим: из 1 561 405 голов мелкого рогатого скота баранов было 23 237 (1,49%), валухов — 140 856 (9,02%), маток — 763 720 (48,91%), молодняка — 633 592 (40,58%)²⁷. Таким образом, по крайней мере для Чуйской долины мы получаем громадный перевес овцематок в стаде.

Большое значение для сельского хозяйства Киргизии имеют коровы. Сейчас, по данным проведенного автором социологического обследования, коров не имеет только каждая десятая киргизская семья (397 из 3955 обследованных), тогда как лошадей — каждая третья (1379 из 1955). Это и понятно, так как своя корова — это единственный здесь способ обеспечить семью молоком. Однако коровы местной киргизской породы в личном хозяйстве колхозников — очень малодоенные — дают по 700—800 л молока в год («Корова дает молоко, как коза», — с горечью говорил один из колхозников). Максимальный удой молока для киргизской породы Н. Н. Колесник определяет в 1210—1320 л за лактационный период²⁸. Колхозы и совхозы, как правило, не дают племенных быков колхозникам для улучшения породы их коров, поскольку колхозу «и самому не хватает» или потому, что у колхоза нет племенных быков, быки местной породы, а племенные — только коровы (породы галловейская, казахская белоголовая, санта-гертруда, алатауская, американо-швейцарская). Но и породистых коров тут держать невыгодно: в горных условиях они плохо приживаются и дают меньшие, чем в Чуйской долине, например, надои молока (в среднем 2200—2400 л в год). Это было видно, впрочем, уже 60 лет назад, когда разведение в Киргизии породистых видов скота только начиналось. Даже в Чуйской и Таласской долинах живой вес, например, швейцарских коров был в 1,5—2 раза меньше, чем в Швейцарии, удой молока — в 2—7 раз ниже²⁹. Да и для кочевания корова малопригодна: ей требуется много воды, недостаток которой в горах, на летних пастбищах, сказывается весьма ощутимо, у нее слабо развит рефлекс стадности, она не может тебеневать. В районах отгонного вертикального кочевания крупный рогатый скот должен составлять 20—30% от всего стада в пересчете на условные головы³⁰. Впрочем, реально эта доля значительно ниже: только в колхозе им. Фрунзе она составляет 18,9%, а в остальных хозяйствах, обследованных автором, колеблется от 2,63 до 14,28%. В целом же по Нарынской обл. в 1982 г. удельный вес крупного рогатого скота в общем поголовье достигал 12,7%, а вот в личных хозяйствах колхозников — целых 34,7%³¹. Правда, в то время колхозникам не разрешалось иметь в личном пользовании больше 10 овец и одной лошади.

В связи с нерентабельностью крупного рогатого скота в горных условиях некоторые хозяйства уже начали сокращать его поголовье, а колхоз им. Тоголок Молдо отдал своих коров колхозам Кантского р-на в Чуйской долине в обмен на овец, которых выгоднее держать в горах (информатор А. Шерматов, п/з 22.10.1990).

Наиболее остро обсуждается проблема о транспортных видах скота — верблюдах, ослах и т. д. Ослов в киргизских селах еще довольно много, и далеко не все считают, что они нужны. Их в основном используют женщины, дети и старики для перевозки грузов и для поездок. Что же касается верблюдов, то здесь все население единодушно, за редчайшими исключениями: верблюды были бы очень нужны для откочевок на летние пастбища. Раньше верблюдов было много, но в 1960—1970-х гг. их почти полностью истребили. А ведь именно в горах потребность в верблюдах особенно велика. В 1928 г. в целом по республике верблюды составляли 0,6% всего поголовья скота, в Каракольском кантоне — 0,28, а в Нарынском — 1,6%³².

В Ат-Башинском р-не в колхозе «Коммунизм» было 80 верблюдов, теперь нет ни одного. В колхозе им. Куйбышева из 300 верблюдов осталось 23; это единственное хозяйство в районе, где они сохранились. В совхозе им. 50-летия СССР последних двух верблюдов зарезали в мае 1990 г. В колхозе им. Тоголок Молдо Ак-Талинского р-на осталось 19 верблюдов и т. д. Верблюды были сданы на мясо как «пережиток прошлого», поскольку, по мысли творцов «развитого социализма», их должны были с успехом заменить автомобили.

Но ведь автомобиль не всегда может проехать там, где пройдет верблюд. Кроме того, чабану надо каждые 10—15 дней перекочевывать на новое место, а автомобили не могут так часто ездить на пастбища из-за нехватки бензина. Поэтому чабанам нередко приходится оставаться на одном и том же месте по 2—3 месяца, а это отрицательно сказывается на продуктивности скота. Наконец, из тех же соображений экономии бензина автомобили зачастую ездят не по дорогам, а прямо по пастбищам, сокращая себе путь. А ведь маршруты кочевания в этих местах установились еще в IX—VIII вв. до н. э. и с тех пор оставались неизменными³³. Очевидно, что вековой опыт кочевников помогал сохранять экологическое равновесие, теперь же автомобили его нарушают.

Верблюда можно, конечно, заменить ослом или лошадью, но ослов мало, а лошадь гораздо более прихотлива. К тому же верблюд может поднять 250 кг груза, что ни ослу, ни лошади не под силу.

Главный экономист колхоза им. Фрунзе Дж. Алкадыров объясняет истребление верблюдов тем, что держать их было невыгодно — мясо очень дешевое, шерсти мало (п/з 15.08.1990). Но Ш. Усубалиев из совхоза им. 60-летия Октября, наоборот, считает, что их разведение очень прибыльно: затрат они требуют немного, а шерсть, мясо и целебное молоко дают (п/з 8.08.1990). Киргизы в начале века использовали верблюжью шерсть не на продажу, а не производство тонких тканей для себя. Из верблюжьего молока делали кумыс, не такой вкусный, как кобылий, но с большим содержанием спирта³⁴. Как транспорт же верблюды в любом случае необходимы. Но где их взять? Можно купить в Казахстане, но там они дороги, да к тому же и людей надо приучать ездить на них, и самих верблюдов с детства готовить к вьюку и бричке. Информаторы отмечали необходимость приспособления верблюдов к местным условиям — уроженцам степей в горах нелегко (информатор С. Малабеков, гл. зоотехник колхоза «Уч-Нура», п/з 23.09.1990). Но, как бы там ни было, а верблюдов заводить придется. Н. Токтобеков из колхоза «Коммунизм» Тянь-Шаньского р-на говорил о пользе внедрения волов, а также арб, бричек, чийне (волокуш) и т. д., поскольку это экономия бензина и есть места, куда на арбе легче доехать, чем на автомобиле (п/з 3.09.1990). Как транспорт не помешали бы и яки: як-самец может нести до 240 кг груза, а зимой часто только як и может пройти по некоторым горным тропам³⁵. Яков во многих хозяйствах забили на мясо в 1970-х годах; а ведь ячье мясо вкуснее говядины, молоко ячих очень жирное (4,9—7,15% против

2,35—4,9% у киргизских коров и 2,15% у кобыл)³⁶ и отличается целебными свойствами; кормов же им запастись практически не надо, так как круглый год они содержатся на пастбищах.

Як представляет ценность и как рабочая сила: один як равноценен пяти лошадям³⁷.

Як дает гибриды с домашним крупным рогатым скотом. Самки этих гибридов плодовиты; процент яловости среди них много выше, чем у чистокровных ячих. Самцы же бесплодны. Зато гибриды первого и отчасти второго поколений превосходят родителей силой и живым весом³⁸.

Автор провел обследование поголовья скота в Киргизии. Партийное и государственное руководство республики еще по крайней мере с 1937 г. поставило задачу ликвидировать «в ближайшее время» бесскотность и бескоровность колхозников³⁹, однако и по сей день, например, из 3955 обследованных автором хозяйств не имеют коров 397, а лошадей — 1379, по одной корове и лошади имеют соответственно 2383 и 2055 хозяйств, по две — 1042 и 445, по три — 129 и 68, по четыре и более — 18 и 8. Овец не имеют 433 хозяйства, 1289 имеют от 1 до 5, 1111 — от 6 до 10, 905 — от 11 до 20, 166 — от 21 до 30, 45 — от 31 до 50, 4 — от 51 до 100, 2 — свыше 100. Что же касается коз, то 3434 хозяйства не имеют их вообще и только 3 имеют больше 10.

Эти данные интересно сопоставить с тем, что было еще 60 лет назад.

В 1940 г. только 40% всего скота принадлежало колхозу, остальной находился в личном пользовании колхозников⁴⁰. Сейчас, по подсчетам автора, в личном пользовании по разным хозяйствам — от 5 до 10% всего скота.

Еще интересные данные о поголовье скота, приходившемся на одно хозяйство в 1912 г.⁴¹ и сейчас (подсчеты автора.— Г. С.):

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы	Верблюды
1912	7,05	4,14	49,86	4,59	0,53
1990	0,8	1,24	8	0,5	Близко к 0

К 1913 г. в Семиреченской обл. из 159 511 киргизских хозяйств только 2563 (1,6%) не имели скота, а у 32263 (20,2%) было менее 3 условных голов (что эквивалентно 18 овцам), тогда как 8126 (5,09%) имели более 50 голов (более 300 овец)⁴². В интересующем же нас Нарынском кантоне накануне коллективизации вообще не владели скотом 389 хозяйств из 20975 (1,85%), 1 условной головой — 474 (2,26%), 2—5 — 3041 (14,5%), более 50 — 6053 (28,86%)⁴³.

Н. Э. Масанов пишет, что для нормального существования казахской скотоводческой семьи требовалось в среднем 100—150 овец⁴⁴. У северных же киргизов в начале XX в. середняком считался тот, кто имел 100 и более овец, 30—50 лошадей, до 10 голов крупного рогатого скота, 2—3 верблюдов. У кого было 20 овец, 1—2 лошади, 3 головы крупного рогатого скота, те считались бедняками⁴⁵. В 1930-е годы казахам и киргизам разрешалось иметь в личном пользовании до 100 овец, 8—10 голов крупного рогатого скота и столько же лошадей, 3—5 верблюдов⁴⁶.

Плохо обеспечен скот кормами. Так, в колхозе им. XXIV партсъезда обеспеченность кормами составляет 53%, в колхозе «Куланак» — 78%, в колхозе им. Тоголок Молдо — 60% и т. д.

Но особенно плохо обеспечен кормами личный скот. В колхозе им. Тоголок Молдо планируется в 1991 г. заготовить 0,9 условных кормовых единиц на одну голову скота в целом и в том числе одну единицу на одну единицу общественного скота, в 1992 г. — соответственно 0,91 и 1,02, в 1993 — 0,93 и 1,03 (выписка из плана развития колхоза на 1991—1995 гг.). В колхозе им. Карла Маркса колхозный скот обеспечен концентрированными кормами на 82%, личный — не получает их вообще, грубыми кормами скот обеспечен соответственно на 67 и 50%, летними зелеными — на 320 и 100% (здесь и далее — выписки из планов развития хозяйства на 1990 г.). В колхозе им. XXIV партсъезда обеспеченность

общественного и личного скота кормами следующая (в %); концентрированными — соответственно 97 и 21, грубыми — 88 и 16, летними зелеными — 15 и 16; в колхозе им. Куйбышева: концентрированными — 180 и 100, сочными — 3 и 0, грубыми — 83 и 100. Как видим, кормами, за небольшим исключением, лучше обеспечен колхозный скот, хотя, как правило, и ему не хватает пищи. И такая картина повсюду, где удалось собрать информацию.

Как и все другие регионы, Киргизия сильно пострадала в «застойные годы» от укрупнения колхозов и совхозов.

В горной Киргизии хозяйственный аул включал от 3 до 25 хозяйств, а совместно зимовало около 10 хозяйств⁴⁷. Оптимальный же размер колхоза без должных оснований определили в 50—100 дворов в узких горных долинах, а в широких — в 200—500⁴⁸, причем колхоз из 200 дворов должен был иметь 800 га посева, 1 тыс. лошадей, 10 тыс. овец и коз, 100 га сенокосов, а в индивидуальном пользовании колхозников — 100 га земли, 500 голов крупного рогатого скота, 400 лошадей, 6 тыс. овец и коз⁴⁹.

Теперь же «оптимальные» размеры намного превышены. Так, в колхозе «Коммунизм» Ат-Башинского р-на — 670 дворов, в «Пограничнике» — 500, в колхозах им. Куйбышева, им. XXIV партсъезда — более 300 и 330 соответственно и т. д.

Что касается скота, то здесь явная диспропорция в пользу общественного стада. Так, по среднему расчету, проведенному автором (см. выше), у каждых 200 хозяйств в личном пользовании находится 160 лошадей вместо 400; 248 голов крупного рогатого скота вместо 500, 1700 овец и коз вместо 6000, причем эти нормы явно занижены по сравнению с нормами начала века. Зато в колхозе «Коммунизм» Ат-Башинского р-на 58 700 колхозных овец вместо 33 500, как установлено В. Я. Белоусовым, в «Пограничнике» — 54 500 вместо 25 000, в колхозе им. Куйбышева — 48 000 вместо 15 000, в колхозе им. XXIV партсъезда 29 700 вместо 16 500 и т. д. В то же время не хватает лошадей, которых в «застойное время» тоже не жаловали — запрещали их держать в частном хозяйстве, сдавали на мясо. С лошадьми хотели, очевидно, справиться так же, как с верблюдами, но, к счастью, это не удалось. В том же колхозе «Пограничник» в середине 1950-х годов было 3500 лошадей (информатор А. Мамбетмусаев, п/з 5.05.1990), сейчас осталось 1300 вместо положенных 2500; в колхозе «Уч-Нура» поголовье лошадей сократилось за 1958—1989 гг. с 2873 до 1228 при норме 2900 (в колхозе 58⁰ дворов) (информатор К. Джанбоев, п/з 22.09.1990); в колхозе «Коммунизм» Ат-Башинского р-на сейчас имеется 1300 лошадей вместо 3350, в колхозе им. Куйбышева — 342 вместо 1650.

Земледелие у киргизов начало развиваться достаточно давно — по некоторым данным, с XVII или даже с XVI в.⁵⁰ (имеется в виду тот период, когда они уже жили на Тянь-Шане, — трудно сказать, когда зародилось земледелие у киргизов на Енисее). По словам Ч. Валиханова, в XIX в. почти все киргизы в той или иной мере им занимались). В наше время ужасным бичом сельского хозяйства Киргизии стали насильственно навязываемые сверху химические удобрения.

Начнем с того, что минеральные удобрения, привозимые из г. Рыбачье, беспорядочно сбрасывают на землю. Они портят качество и снижают питательность растительной продукции. «Раньше, — говорят многие информаторы, — овце хватало 1 кг ячменя (некоторые утверждают даже, что 300 г) в день, чтобы быть жирной и откормленной, а теперь даешь ей 3, 4, 5 кг и даже ведро ячменя в день, а она все равно худая». Точно так же снизилась и питательность травы, скот ест ее и не жиреет. И действительно, в начале века средняя норма потребности в различных кормах в пересчете на условные головы была значительно больше: в колхозе им. Ленина требуется на одну условную голову 184,7 пудов за зиму, в колхозе «Коммунизм» Тянь-Шаньского р-на — 194,5, в колхозе им. Куйбышева — 187, в колхозе Уч-Нура — 193,09 (подсчеты автора, по сводным планам развития хозяйств. — Г. С.). Тем не менее продуктивность скота сейчас, как уже многократно упоминалось, снижается, что помимо всего

прочего связано и с чрезмерной «химизацией» кормов. В Кочкорском р-не власть с 1970 по 1990 г. находилась в руках некоего Акназарова, который помимо всего прочего заставлял колхозников применять химические удобрения даже на личных участках. В результате трава на личных покосах стала еле-еле достигать колена, а раньше была почти в человеческий рост (информатор С. Калыбеков, п/з 15.08.1990).

Еще в середине 1950-х годов урожайность пастбищ составляла 8—10 ц/га, на Сусамыре — 15 ц/га⁵¹. Сейчас урожайность пастбищ в колхозах и совхозах составляет: в совхозе им. 50-летия СССР — 8 ц/га, в совхозе им. XXV партсъезда — 8, в колхозе «Пограничник» — 5, в колхозе им. Куйбышева — 10 ц/га (выписки из сводных планов развития хозяйств). В колхозе «Уч-Нура» в 1961—1962 гг. урожайность пастбищ составляла 7—9 ц/га, теперь — 1,5—2 ц/га (информатор З. Кокематов, п/з 3.10.1990).

Из-за применения химических удобрений как хлеб, так и мясо и кумыс потеряли свой вкус. «Раньше, — говорят киргизы, — когда начинаешь варить баранину или печь хлеб, аромат стоит на все село. А кумыс был крепкий, как водка. Теперь же всего этого нет». Снизилась и питательность. Раньше, по словам Ы. Осмонбаева из колхоза «Коммунизм» Тянь-Шаньского р-на, «съешь кусок мяса — и уже сыт, а сейчас можно и полбарана съесть» (п/з 4.09.1990). А ведь до 1930 г. киргизы удобрений не применяли вообще, даже навоз шел на топливо⁵². Влияют удобрения и на здоровье скота. В свое время Ч. Валиханов отмечал, что у киргизов, несмотря на суровые зимы, падеж скота бывает редко⁵³, хотя, по единодушному утверждению путешественников, помещения для скота строились крайне редко и только для немногих видов его, а зимой на территории, прилегающей к зимовке, оставались только крупный рогатый скот, верблюды, молодняк и верховые лошади, прочие же овцы и лошади паслись на зимних отгонных пастбищах — отор⁵⁴.

То же самое было и с кормлением скота. В начале века по киргизским районам Аулие-Атинского уезда кормление лошадей зимой продолжалось 55—63 дня, крупного рогатого скота — 47—73, верблюдов — 49—57, овец — 21—26 дней при том, что кормили зимой и от 7,3 до 31,5% овец (других видов скота — 68—87%)⁵⁵. Скорее всего в горной Киргизии продолжительность кормления и процент кормившегося скота были еще меньше. Теперь же в Нарынской зоне колхозы и колхозники кормят свой скот в среднем 150—200 дней. А результаты? Бывший чабан Э. Кудайбергенов из того же колхоза «Коммунизм» рассказывает: «Я здесь с 1959 г. работал, и из Кара-Куджура гнали сюда зимой овец — 12—13 дней сюда шли — и ни одного стога сена, ни концентратов — сами ели. Раньше каждую зиму лошади, коровы, бараны были на пастбищах, и никаких концентратов не давали. А сейчас на машинах возим и концентраты даем — все равно сдыхают. Раньше кошар не было — под навесом держали. И во время расплода овец не кормили — сами паслись, и только вечером к ягнятам пригоняли маток с пастбища, и не болели ягнята, а сейчас болеют» (п/з 5.09.1990). Наконец, и почвы деградируют, уменьшается их степень защищенности от эрозий, они истощаются, засоряются (информатор Н. Касымов, сотрудник Нарынской опытной станции, п/з 4.09.1990).

Некоторые колхозы уже сейчас отказываются от применения химических удобрений, переходят на естественные, в первую очередь на навоз. Так, с этого года отказался от «химии» колхоз «Уч-Нура» (информатор А. Торегельдиев, гл. агроном колхоза, п/з 23.09.1990), постепенно к этому переходят и другие хозяйства. Отказался от азотных, самых вредных удобрений колхоз «Куланак» (информатор А. Мукаспаев, гл. агроном колхоза, п/з 1.10.1990).

Из-за нехватки кормов целый ряд хозяйств в 1960—1970-х годах перестал сеять пшеницу, которую использовали раньше для удовлетворения нужд населения; пшеничные поля отдали под ячмень на корм скоту. Сейчас некоторые из них возобновляют сев пшеницы, другие собираются это сделать в ближайшее время.

В личном хозяйстве жители горной Киргизии выращивают в основном картофель и морковь, поскольку в горах зачастую больше ничего не растет, хотя, возможно, и по другим причинам. И. Мухиддинов приводит в одной из своих работ предельные высоты для разведения различных сельскохозяйственных культур, ссылаясь на С. И. Коржинского и Н. И. Вавилова, в м⁵⁶:

	По Кор- жинскому	По Вави- лову		По Кор- жинскому	По Вави- лову
Ячмень	3250	3550	Люцерна	2200	2500
Пшеница	»	»	Арбуз	2000	2300
Рожь	»	»	Абрикос	2826	3126
Просо	2670	2970	Яблоня	2670	2970
Кукуруза	1980	2280	Груша	2543	2843
Горох	3260	3560	Черешня	2198	2498
Подсолнечник	1978	2278	Виноград	1978	2278

Если посмотреть на карту, то видно, что даже в Ат-Башинском, наиболее высокогорном районе, можно выращивать пшеницу, абрикосы, яблоки, а по Н. И. Вавилову — и черешню. Тот же К. Каралаев из совхоза им. 50-летия СССР сажал яблоки, и они у него получались хорошими (п/з 17.04.1990); в Кочкорском же районе, да и в Ак-Талинском тоже в принципе можно сажать даже виноград: у него такая же предельная высота, как у подсолнуха, а их в Кочкорском р-не сажают. Не все возможные культуры высеваются, очевидно, потому, что именно в горной Киргизии население было наименее подвержено процессам оседания по сравнению с другими районами республики, и оно не сеет эти культуры как не соответствующие их привычкам и образу жизни. В некоторых селах Кочкорского и Тянь-Шаньского районов кроме подсолнухов растут урюк и яблоки. В 1950-х и первой половине 1960-х годов выращивали опиный мак на продажу, потом это было запрещено в связи с распространением наркомании.

Очень важной проблемой для киргизского земледелия является ирригация. Никто не сомневается в ее необходимости здесь, но проблемы полива стоят весьма остро. Так, например, колхоз «Коммунизм» Ат-Башинского р-на не может увеличить заготовку кормов для скота из-за нехватки воды для полива, хотя земли хватает (информатор С. Исаков, гл. агроном колхоза, п/з 27.04.1990), и это типичная картина в горной Киргизии. Однако в большинстве хозяйств дело не столько в нехватке воды, сколько в невозможности доставить ее на высокогорные участки. Лишь в некоторых колхозах не хватает воды вообще, как, например, в колхозе им. XXIV партсъезда. В то же время, скажем, в совхозе им. XXV партсъезда есть арык, из которого только колхозники берут воду для своих личных нужд, тогда как выше по склону участки не поливаются, а только орошаются дождями и талой снеговой водой (информатор М. Рахимов, п/з 30.04.1990). Орошение талой водой с гор имеет место и во многих других хозяйствах, и это очень неудобно, поскольку снега тают позже, чем нужно для полива. В колхозе «Джаны-Талап» Тянь-Шаньского р-на вынуждены из-за этого поливать землю вручную — дождей мало, а дождевальных установок, как в Чуйской долине, нет (информатор А. А. Абылаев, п/з 10.09.1990). В этом же колхозе представители облводхоза штрафуют тех, кто берет из арыка воды больше положенного (он же).

Особенно плохо положение с водой в индивидуальных хозяйствах, получающих воду по остаточному принципу — после удовлетворения потребностей колхозных полей в воде.

Одним из серьезных недостатков системы ирригации является так называемый дикий полив, когда воду просто пускают на поля самотеком; в условиях горных районов с большим уклоном это приводит к смыву слоя плодородной почвы. Бывший председатель колхоза им. Фрунзе С. Абдрасулов считает, что на таких склонах надо сеять не ячмень, а многолетние травы, иначе и гумуса скоро не

останется (п/з 10.08.1990). Того же мнения придерживается и его преемник на этом посту К. Сакыбаев, лишь недавно ушедший на пенсию (п/з 16.08.1990). Со смывом почв пытаются бороться, пуская по крутым склонам более слабые потоки воды (информатор Т. Джусаев, п/з 10.09.1990).

Наконец, значительная часть поливных арыков не бетонируется, что ведет к заболачиванию и засаливанию почв. Так, в колхозе «Коммунизм» Тянь-Шаньского р-на в нижней части с. Он-Арча уже вынуждены проводить дренажные работы (информатор А. Асанбаев, гл. агроном колхоза, п/я 2.09.1990). Это приводит к потерям воды и к эрозии почв (информатор Т. Джусаев, п/з 10.09.1990). Началось засорение земель и в Ак-Талинском р-не (информатор К. Стамов, гл. агроном колхоза им. Тоголок Молдо, п/з 24.10.1990).

Но все эти проблемы, связанные с мелиорацией, можно решить чисто технически — оснастить поля дождевальными установками, забетонировать каналы и т. д.

Итак, можно подвести итоги:

1. Огромное поголовье скота, особенно мелкого рогатого, приводит к нарушению режима работы пастбищ, отлаженного веками кочевой жизни, и к ухудшению ситуации с кормами для того же скота.

2. Оба эти фактора отрицательно влияют на его продуктивность.

3. Игнорируя многовековую практику местного населения, ему навязывают вместо местных курдючных овец, весьма ценных как мясо-сальная порода, белых меринсовых, хуже приспособленных к местным условиям; но и от последних проку мало из-за грабительски низких цен на шерсть.

4. Уничтожение верблюдов и использование вместо них автомобилей при перекочевках на летние пастбища еще более усугубляет ситуацию, так как нарушаются исторически сложившиеся маршруты кочевания, что еще более ухудшает экологическую обстановку.

5. При огромном поголовье общественного скота сами колхозники имеют намного меньше его, чем необходимо для нормального существования; при этом именно личный скот наименее обеспечен и кормами.

6. Крайне отрицательно сказывается на производительности сельского хозяйства применение химических удобрений.

7. Все эти факторы создали угрозу *непоправимой* экологической катастрофы уже в ближайшем будущем.

8. Сильно запущена в республике и проблема мелиорации.

Общий выход, на наш взгляд, один — быстрее переходить к рыночным отношениям. Прежде всего необходимо приватизировать общественный скот, передав его в собственность сельским жителям. Эта мера поможет решить проблему переизбытка скота, поскольку хозяин не станет держать больше, чем сможет хорошо прокормить; зато вырастет продуктивность каждой отдельной головы скота. Будет решена и проблема перевыпаса: сокращение поголовья улучшит ситуацию на пастбищах. Во время поездки в следующем, 1991 г. по побережью оз. Иссык-Куль на примере появившихся к тому времени фермерских хозяйств автор убедился в этом: живой вес фермерских овец значительно превышает таковой у овец общественных, дохода у некоторых хозяев до 56 кг — почти такой же величины, как в 1916 г., а отведенные им пастбища выглядят неизмеримо лучше колхозно-совхозных. В октябре 1991 г. Президент Кыргызстана А. Акаев подписал указ о передаче общественного скота в личную собственность, но этот процесс идет весьма медленно. Крестьянин сам решит, какие породы овец ему нужны, какие удобрения лучше применять на своей земле — минеральные или органические, надо ли заводить верблюдов и другой тягловый скот и т. д. На наш взгляд, посеги и сенокосы должны стать частной собственностью, а пастбища в условиях отгонного скотоводства — общинной, как это было до коллективизации.

Пока перерабатывающие шерсть фабрики еще не приватизированы, необходимо повысить государственные закупочные цены на шерсть (с начала 1991 г. они повышены — для белой шерсти до 47 руб. за 1 кг).

Поэтому государственных кредитов на приобретение всего необходимого надо также оказать желающим хозяевам помощь в приобретении верблюдов, так как им без такой помощи трудно будет по вышеуказанным причинам сделать это самим. Кроме того, необходима помощь в приобретении сельскохозяйственной техники, особенно в период до приватизации соответствующих предприятий. Сейчас государственные предприятия производят совсем не то, что фермерам нужно.

В остальном же следует просто положиться на многовековой опыт скотоводов, хотя бы на тот, который они еще не успели растерять (а частные хозяева, несомненно, начнут его приумножать), и ограничиться общими рекомендациями в вопросах, не связанных с традиционным хозяйственным укладом.

Примечания

- ¹ Масанов Н. Э. Взаимодействие естественно-природных и социально-экономических процессов в историко-культурном развитии кочевого общества (рукопись). М., 1990. С. 146.
- ² Федорович Б. А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства//Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. С. 207—222.
- ³ Усенбаев К. У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961. С. 67.
- ⁴ Симмаков Г. Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов//Сов. этнография. 1978. № 6. С. 14—27.
- ⁵ Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана//Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 31—46.
- ⁶ Джамгерчинов Б. Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963. С. 49.
- ⁷ Усенбаев К. У. Указ. раб. С. 74.
- ⁸ Сахаров М. Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934. С. 15.
- ⁹ Айтмамбетов Д. А. Культура киргизского народа во второй половине XIX — начале XX века. Фрунзе, 1967. С. 28.
- ¹⁰ Джамгерчинов Б. Д. Указ. раб. С. 48.
- ¹¹ Аллацкий П. К. К истории оседания кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. Фрунзе, 1959. С. 40.
- ¹² Масанов Н. Э. Указ. раб. С. 368.
- ¹³ Айтбаев М. Т. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX века. Фрунзе, 1962. С. 16.
- ¹⁴ Джолдошев. Итоги социалистического строительства в Киргизии за первую пятилетку и перспективы второй пятилетки//Киргизия. Л., 1934. С. 13—21.
- ¹⁵ Аболин Р. И. Горные пастбища Киргизии и их распространение. Л. 1934. С. 25.
- ¹⁶ Айтбаев М. Т. Указ. раб. С. 35.
- ¹⁷ Беззуглый Л. Ф. Отчет по произведенному в 1914 году обследованию животноводства в Пишпекском уезде Семиреченской области. Пгр., 1916. С. 105.
- ¹⁸ Румянцев Б. Ф. Тонкорунные овцы в Киргизии и результаты их гибридизации с местной курдючной овцой//Проблемы животноводства Киргизии. Л., 1934. С. 7—62.
- ¹⁹ См., например, Народное хозяйство Нарынской области в 1981—1983 гг. Нарын, 1983.
- ²⁰ Шмелев Д. Н. Советский Киргизстан. Фрунзе, 1960. С. 184.
- ²¹ Беззуглый Л. Ф. Указ. раб. С. 81.
- ²² Домашние животные Киргизии. Л., 1930. Т. 2. С. 201—202.
- ²³ Кулешов П. Н. Грубошерстное овцеводство. М., 1925. С. 24.
- ²⁴ Беззуглый Л. Ф. Указ. раб. С. 102.
- ²⁵ Румянцев Б. Ф. Указ. раб.
- ²⁶ Беззуглый Л. Ф. Указ. раб. С. 133; Колесник Н. Н. Опыт разведения культурных пород крупного рогатого скота в Киргизии//Проблемы животноводства Киргизии. Л., 1934. С. 7—62 и т. д.
- ²⁷ Беззуглый Л. Ф. Указ. раб. С. 92—93.
- ²⁸ Колесник Н. Н. Указ. раб.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Масанов Н. Э. Указ. раб.
- ³¹ Народное хозяйство Нарынской области... С. 70
- ³² Домашние животные... С. 12—13.
- ³³ Акишев К. А. Указ. раб.
- ³⁴ Беззуглый Л. Ф. Указ. раб. С. 87—88.
- ³⁵ Домашние животные Киргизии. Т. 1. С. 199.
- ³⁶ Там же. С. 229—235.
- ³⁷ Шиббаева Ю. А. Животноводство у киргизов Восточного Памира//Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. С. 99—132.
- ³⁸ Домашние животные... Т. 1. С. 196—197.

- ³⁹ Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Фрунзе, 1968. С. 14, 379 и др.
- ⁴⁰ *Абрамзон С. М.* Очерки культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946. С. 26—27.
- ⁴¹ Домашние животные... Т. 2. С. 10.
- ⁴² *Сахаров М. Г.* Указ. раб. С. 15.
- ⁴³ *Погорельский П., Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930. С. 56.
- ⁴⁴ *Масанов Н. Э.* Указ. раб. С. 445.
- ⁴⁵ *Айтбаев М. Т.* Указ. раб. С. 176—177.
- ⁴⁶ *Байбулатов Б. Б.* От кочевья к социализму. Фрунзе, 1969. С. 98.
- ⁴⁷ *Кушнер П.* Горная Киргизия. М., 1929. С. 16.
- ⁴⁸ *Белюсов В. Я.* К вопросу о социалистическом расселении в Киргизской АССР. М.; Л., 1935.
- ⁴⁹ Там же. С. 50.
- ⁵⁰ *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961. С. 83.
- ⁵¹ *Ляшенко И. В.* Пастбищное и отгонно-пастбищное содержание скота в Киргизии. Фрунзе, 1955. С. 14, 17.
- ⁵² *Кушнер П.* Указ. раб. С. 23.
- ⁵³ *Валханов Ч. Ч.* Соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 23.
- ⁵⁴ *Абрамзон С. М.* Указ. раб. С. 37.
- ⁵⁵ Материалы... по киргизскому землепользованию. Ташкент, 1911. Т. 4. С. 96—97.
- ⁵⁶ *Мухиддинов И. М.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975. С. 8.

Modern Situation in Traditional Agriculture in Mountain Kirghizia

The paper is mainly the result of the author's field investigations. It describes the present-day situation in traditional cattle-breeding (primarily in sheep-breeding) and partly in agriculture and apiculture in Mountain Kirghizia (Naryn region).

Using the information obtained from local inhabitants and the data taken from the districts, collective- and state-farms plans on development, as well as from literature and statistical reference books, the author has shown that neglect of the century-old experience of local population in semi-nomadic distant-pastoral cattle-breeding, and the urge to increase the sheep live-stock without due regard for the real natural conditions has led to the decline in cattle-raising due to the lack of a considerable part of traditional experience of local population, which in turn has negatively affected the cattle-production quality.

Besides that, such a neglect of nature real potentialities and of experience of nomads in their interactions with nature has already created a danger of irreversible ecological disaster in the nearest future.

G. Yu. Sitnyansky